

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТВЕРИ ПРИ МИТРОПОЛИТЕ КИПРИАНЕ И ЕПИСКОПЕ АРСЕНИИ (РУБЕЖ XIV—XV ВВ.)

Павел ИВАНОВ (Тверь)

Духовная культура древнерусских княжеств XIV—XV вв. продолжает, к сожалению, оставаться „белым пятном“, и для составления целостной картины русской жизни того времени требуются дополнительные исследования. Здесь мы попытаемся показать факты духовной жизни Твери и Великого княжества Тверского XIV—XV вв. в свете новых данных о роли и значении в этот период небольшого тверского монастыря Савватьевой пустыни и его основателе преподобном Савватии Тверском, известном также под именем Оршинского, по названию речки, на которой о снована обитель.

Савватий Тверской — личность совершенно пропущенная в тверской официальной истории. Ни в одном из крупных трудов по истории Тверского княжества, нет упоминания о нем. В истории тверского искусства Савватий и его монастырь значатся благодаря двум сохранившимся иконам XVI в., изображающим самого преподобного и Савватьевскую обитель в первые десятилетия после ее основания. Причем, если небольшая „штилистовая“ иконка с изображением Савватия, молящегося перед явившимся ему „на воздухе“ Крестом на берегу реки Орши, опубликована достаточно давно (Попов, 1979), то вторая, представляющая уникальный для русской иконной традиции тип „иконы-основания“, опубликована лишь в последнем каталоге древнерусской живописи музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева, где хранятся оба памятника (Иконы, 2002. Кат. 22, 24). Вторая икона озаглавлена там „Обитель преподобного Савватия Тверского с сценами его жития“. Название условное, поскольку собственного названия икона не имеет, а опись монастыря 1693 г. описывает этот образ, находившийся в отдельно расположенной на въезде в монастырь часовне, так: „Образ Саватьева монастыря, писан на красках, на том же образе Святая Троица“ (сейчас „Троицы“ на иконе нет).

Описание иконы приводим по данному каталогу. „Изображен Савватьевский монастырь. Обширный монастырский двор неправильной многоугольной формы замкнут тесовыми стенами, в верхней части иконы выделены масштабно святые ворота под двускатным покрытием с образом „Сретения“. Малые восточные ворота внизу иконы, в их проеме выходящий из монастыря преподобный Савватий с жезлом в правой руке и ведром в левой. По внутренней стороне стен в виде неправильного ряда тянутся небольшие кельи иноков с двускатными, разделанными под черепицу кровлями. В центре монастырского двора (в геометрическом центре иконы)... Знаменский собор... На фасаде образ Неопалимой Купины (типа Знамения). Перед храмом дважды повторена фигура Моисея, свидетеля чуда Неопалимой Купины: у подножия горы, развязывающим сандалии, и на вершине той же горы, предстоящим образу Неопалимой Купины. Слева, с южной стороны храма Савватий в рост с молитвенно простертыми руками... В нижней части иконы небольшая по размерам церковь... на ее стене образ св. Николая. Левее — высокая одноглавая столпообразная колокольня. Между колокольней и церковью — дерево с широким стволом и массивной кроной с красными плодами. В левой верхней части монастыря коленопреклоненный Савватий предстоит образу восьмиконечного голгофского креста с орудиями страстей по сторонам, помещенному в круг яркого красно-коричневого цвета. В конце XIX в. рядом читалась надпись „Явися преподобному Савватию на воздухе крест, от сего паде на колена и молящего ему“. По обеим сторонам Знаменского собора у монастырских стен... сцены кончины Савватия. Слева „Исход души“: представлена келья, на фоне которой Савватий в куколе на смертном одре... В головах фигура в хитоне и гиматии в ореоле нимба (царь Давид?), за гробницей крылатый ангел, склоненный с простертыми руками; в ногах монахи, входящие в келью... Слева „тпевание“: гроб с телом Савватия, в головах фигура святителя с омофором и диакона в белых одеждах, в ногах — иннок... Справа от монастырских стен изображены река Орша и горки, идущие двумя крутыми расходящимися уступами, на них деревья, разнообразные по размерам и формам... Между деревьями расположены небольшие постройки типа деревянных клетей — скиты. В этой части иконы изображены отдельные сцены деяний и пустынноческих подвигов Савватия. На берегу реки коленопреклоненный, с молитвенно простертыми руками, он предстоит небольшому восьмиконечному кресту с терновым венцом на перекрестии... Рядом Савватий с группой иноков представлен в часовне перед Распятием (фигура святого справа выделена масштабно), ниже композиция „Оплакивания“... Близ часовни Савватий изображен с топором, рубящим келью. В нижнем левом углу иконы фрагменты еще одной сцены, в котором просматриваются лишь остатки изображения дверного проема“ (Иконы, 2002. С. 125—126).

Мы столь подробно остановились на этом описании, поскольку этот образ — единственный и наиболее достоверный памятник, отразивший факты жития преподобного Савватия, до нас не дошедшего. Из свидетельства прп. Иосифа Волоцкого („Духовная грамота“, гл. 10), известен рассказ об исцелении тверской княжны Марии Борисовны около 1455 г. учеником Савватия преподобным Евфросином, причем о Евфросине говорится, что тот „прожил в Саватьеве пустыни шестьдесят лет, не исходя ни камо же“ (Чтения, 1847. С. 11). Существует традиция поминания „начальников Саватьевой пустыни“ в тверских синодиках (например, Оршина монастыря, Государственный архив Тверской области, ф. 1409, оп. 1, д. 1776, л. 145), где поминаются последовательно Савватий, Парфений, Досифей (или Дорофей), Евфросин, Нектарий. В иконописном подлиннике XVI в. сохранилось описание Савватия, и это свидетельствует о общерусской канонизации его (как „нового чудотворца“), по-видимому, на московских соборах сер. XVI в., когда еще существовало его житие и были созданы обе иконы. (Икон всегда было только две, обе они сохранились и это — великое чудо). От иконописных подлинников идет и дата преставления Савватия — 1434 г., 24 апреля старого стиля, дата, по всем признакам, подлинная. Помимо народных преданий, в общем, добавляющих к этой картине лишь отдельные штрихи, это все, что можно достоверно сказать об этом тверском святом.

Для дореволюционных историков и краеведов Савватий виделся лишь любопытным историческим лицом, а поскольку до XIX в. в селе хранился небольшой крест, когда-то носившийся на груди, а затем ставший на престольным, с надписью, что он принесен самим преподобным из Святой Земли (в кресте была даже выемка, в которой когда-то находилась частичка Животворящего Древа), среди краеведов (В. Преображенский, рук. 1860-х гг. в Государственном архиве Тверской области, В. Владиславлев, 1883, А. Митропольский, 1897) сложилась легенда, воспринятая в 1970—1980 гг., при изучении вновь обнаруженных упомянутых икон, как проверенный факт. А именно: предполагалось, что Савватий был иноком близлежащего Оршина монастыря, оттуда совершил паломничество в Иерусалим, вернулся, основал небольшой скит в 9 км вверх по Орше, и там позже возник монастырь. Эта легенда рухнула с открытием фактов об основании Оршина монастыря в сер. XV в., спустя два десятилетия после кончины Савватия. Но остался вопрос: кто же в таком случае Савватий, и какую роль играл его монастырь в жизни Твери того времени.

Для ответа на этот вопрос, следует широко привлечь сведения о духовной жизни Руси того времени. Во-первых, опубликованные в недавнее время источники показывают, что несмотря на относительно небольшие размеры, обитель преподобного Савватия в XV—XVI вв. имела авторитет, выходящий за рамки только тверской известности. В библио-

теке Иосифо-Волоколамского монастыря сохранилось около десяти книг 2 пол. XV—сер. XVI вв., среди них святоотеческие подборки, происходящие из Савватьева, вложенные на Волок савватьевскими игуменами и старцами. Все они отмечены высоким качеством письма, (ни один другой тверской монастырь в этой библиотеке не представлен) (Дмитриева Р. Н., 1991). Во-вторых, около 1497 г. в Савватьево пришел прп. Корнилий Комельский, один из выдающихся деятелей русского монашества, автор общежительного устава. Прп. Корнилий прожил здесь год в скиту, после чего уже ушел в Комельский лес в Вологодские земли, где основал свою обитель. В-третьих, очень показательно почитание иконы „Неопалимой Купины“ как святыни Синая, нигде более не встречающееся на русской почве до XVII в. кроме Савватьева и знаменитейшего Кирилло-Белозерского монастыря, основанного в 1397 г. прп. Кириллом Белозерским. (Основание Савватьева монастыря мы можем, руководствуясь свидетельством прп. Иосифа Волоцкого, отнести к этим же 1390-м гг.). Церковь в честь иконы „Неопалимая Купина“ (впоследствии ставшая просто Знаменской) была в Савватьево вообще единственная в России до сер. XVII в. Связь с Кирилловым монастырем еще более заметна, если принять во внимание его первоначальный скитский вид (общежитие возникло здесь позже), известный по рисунку-схеме в „Соборнике“ прп. Кирилла 1 четв. XV в. Но этот план совпадает с изображением Савватьева монастыря, известному по нашей иконе. Еще замечательно, что прп. Корнилий Комельский пришел в Савватьево именно из Кириллова монастыря. Почитание главной святыни Синая можно связать в обоих случаях с историей появления на русской почве Скитского устава, принесенного опять же в 1390-х гг. с Востока. Самый ранний уцелевшие русские списки его — рубежа XIV—XV вв., один из них опять же Кирилло-Белозерский (в том же „Соборнике“ нач. XV в.) (Синицына, 2000. С. 316) — но устав не получил широкого распространения. Известно всего несколько примеров его реализации: на короткое время в Кириллове, затем в пустыни прп. Нила Сорского (2 пол. XV в.), и, очень похоже, — в Савватьево. Савватий жил в скиту, скиты располагались вокруг его обители (где также к XVI в. появилось общежитие, не став, однако, единственной нормой устава: в скиту жил прп. Корнилий, в скиту жил прп. Евфросин, т. е. весь XV век скитский устав здесь продержался). Все русские скитские обители возникли, как можно предположить, мало завися одна от другой, но в каждом случае имело место самостоятельное влияние православного Востока — Синая и Афона.

Подробный анализ иконы „Обитель преподобного Савватия...“ дает еще более неожиданные результаты. На всех изображениях прп. Савватия, он показан босым, в красной схиме, (в отличие от монахов своей обители), то есть он одет в точном соответствии с сирийской и синайской традицией. Далее, нехарактерно для русского монашества такое под-

черкнутое внимание к молитве перед Крестом (она много раз специально акцентирована на иконе) - но это более чем характерно для Ближнего Востока. То есть Савватий не просто путешествовал, он долго жил на Востоке.

Все эти факты указывают на Савватия не как на случайного пилигрима (едва ли случайные люди с Руси вообще ходили в те времена в Святую Землю), а как личность знаковую, чья деятельность проходила в русле самых последних духовных движений православного мира. Очевидно, что в Твери прп. Савватий не мог быть одинок. И нам документально известно, что так и было.

В 1390 г. в Тверь прибыла большая делегация во главе в митрополитом всея Руси Киприаном. Это был не первый приезд владыки, но в этом году он был обставлен особо представительным. С митрополитом прибыли два русских и два греческих епископа. Пребывание Киприана в Твери завершилось хиротонией на тверскую кафедру архидиакона Киприана Арсения, постриженника Киево-Печерской Лавры, взятого митрополитом по пути на Русь из Константинополя. Несмотря на сопротивление Арсения (ему сразу была видна глубокая запущенность тверской паствы), он активно начал дело церковного строительства, при любой возможности продолжая сотрудничество с Киприаном.

Излишне повторять о значении свт. Киприана для истории Русской Церкви. С его именем связано активное проникновение на Русь памятников переводной святоотеческой литературы в сербских и болгарских переводах, вошедшее в историю как „второе южнославянское влияние“. С именем свт. Киприана на Руси надо связать также широкое распространение исихазма — учение свт. Григория Паламы, чему митрополит всемерно содействовал. Одновременно с этим получила новый импульс национальная литература, как в Москве, так и в удельных княжествах.

Тверь некоторое время оставалась в стороне от этого процесса. Но начиная со времени святительства еп. Арсения, княжество быстро вошло в круг передовых в усвоении паламитского наследия. За считанные два-три десятилетия основаны десятки новых монастырей (до того за столетия появилось 10—15), многие из которых были основаны как пустыни вдали от городов. Некоторые из них — Саввин, Желтиков, Перемерский — сразу заявили о себе как центры книжности и просвещения. В числе этих обителей стоит и Савватьев монастырь. Центром книжности являлась и кафедра.

Обращает на себя внимание прямое обращение тверской духовной культуры того времени на Балканы и далее на православный Восток помимо Москвы. Это выразилось в памятниках иконописи („Богоматерь Одигитрия — Св. Николай“ из с. Васильевского нач. XV в., остатки фресок из Старицы 1407 г. и др.), и, особенно, в книжности, где быстро и прочно

входит в употребление балканский орнамент, в монастырях Афона (например, в лавре св. Афанасия) существовал кружок тверских иноков, а в тверских рукописях, начиная с „Лествицы“ 1402 г., отмечено южно-славянское влияние. Связи Твери, благодаря контактам свт. Арсения с митрополитом Киприаном, с Востоком были не менее прочны, чем у московской духовной элиты. Но, к сожалению, круг тверской интеллигенции был, как можно понять, невелик.

Весь этот кружок представлял собой в Твери несколько образованных иноков, имевших „ближневосточное“ прошлое. К их числу относятся прп. Савватий Тверской, прп. Савва Тверской, основатель Саввина монастыря (основан ок. 1402 г.), и его сподвижник прп. Варсанофий, а также известные по летописному известию 1399 г. иноки Савва и Спиридон (если только этот Савва — не одно лицо с прп. Саввой), и другие, например, некий инок Прохор, принесший митрополичий список „Лествицы“ в Тверь ок. 1400 г. Этот список, послуживший образцом для копий 1402 и 1404 гг., отличался от сохранившегося списка „Лествицы“ руки свт. Киприана 1387 г., сохранившегося в Москве в Российской Государственной библиотеке (Саенко, 1984. С.18). Переписчик „Лествицы“ 1402 г. утверждает, однако, в записи в конце рукописи, что он переписывал с подлинника перевода Лествицы руки митрополита, полученного через посредничество свт. Арсения. Больше того, он лично „умолих“ епископа передать ему эту рукопись для копирования и „с великим желанием написах сию книгу“. У нас нет оснований не верить этой записи, сделанной при жизни свт. Киприана и удостоверенной его бывшим архидиаконом. К огромному сожалению, этот подлинник не сохранился. Но это означает, что в Тверь присылались книги, каких не имели под рукой лучшие московские книжники. А личность этого переписчика, хорошего друга митрополита и епископа, прекрасного писца, владеющего балканским орнаментом, вызывает большой интерес. Указание на некую „Ворззу“, на которой написана „Лествица“ 1402 г. (Вздорнов, 1980. Кат. 25), заставляет осторожно предположить „Воршу“, то есть последующую Оршу, называвшуюся так до XIX в., а в писце — самого прп. Савватия Тверского. Хотя данное предположение — лишь гипотеза (Л. Саенко предлагает прочтение этого слова „наборзе“ — наскоро), она очень соответствует известным нам фактам о прп. Савватии.

Кружок исихастов, основанный в Твери святителями Киприаном и Арсением, просуществовал недолго, около тридцати лет, но для своего времени, был заметным явлением, если отголоски его влияния прослеживаются в русском монашестве до сер. XVI в. К огромному сожалению, именно по этим отголоскам приходится реконструировать первоначальный облик этого кружка и буквально „нацеживать“ факты, относящиеся к одному из виднейших его деятелей — прп. Савватию Тверскому. Кратко

можно сказать о нем следующее: он был синаит славянского происхождения, возможно, что и тверич, но как и рождение самого свт. Арсения Тверского, это навсегда останется тайной. Он прибыл на Русь со свт. Киприаном и около 1390 г. оказался в Твери, где основал свою обитель. Его монастырь был одним из первых, наряду с Кирилло-Белозерским, где был привит на русской почве синайский Скитский устав, и этому уставу ходили учиться у него многие иноки из Твери и других русских земель. Его обитель, как все скитские монастыри, был книжным центром, и этот факт достоверный, но атрибуция его руке тверской „Лествицы“ 1402 г., к сожалению, не безусловна. Наконец, прп. Савватий скончался в 1434 г., и после него еще около ста лет авторитет Савватьева монастыря был весьма высок.

Судьба была жестока к его обители. В конце XVII в. здесь были возведены два каменных храма, монастырь процветал, хотя от первоначальной традиции после Смутного времени нач. XVII в. ничего не осталось. В 1693 г. обитель была приписана к московскому монастырю Новый Иерусалим, после этого быстро пришла в упадок и в 1764 г. упразднена. Храмы были полностью разрушены в 1936 г.

Но святыню не утаить под спудом. Почитание прп. Савватия никогда не прекращалось. В 1999 г. начались постоянные молебны на месте его скита „Пустыньки“. В 2005 г. полностью закончено строительство одной из церквей — Знаменской, возведенной на старых фундаментах постройки XVII в. Инициатива строительства и возобновления церковной жизни в Савватьеве принадлежит тверскому священнику Андрею Егорову, оказавшему также большую помощь в исторических изысканиях. Ныне есть надежда на полное восстановление ансамбля в Савватьевом монастыре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Преображенский В. А. Заметки об истории Савватьевой пустыни, 1860-е гг. // рукопись, Государственный архив Тверской области ф.103, оп. 1, д. 829.
- Владиславлев В. Ф. прот. Село Савватьево. Тверь, 1883.
- Митропольский А. А. Очерк истории Савватьевского монастыря ныне село Савватьево Тверского уезда. Тверь, 1897.
- Дмитриева Р. П. Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Ленинград, 1991.
- Саенко Л. П. Палеография, графика и орфография тверской Лествицы 1402 г. Диссертация, машинопись, Москва, 1984.
- Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство древней Твери XIV—XVI вв. Москва, 1979.
- Вздорнов Г. И. Искусство книги Древней Руси. Москва, 1980.

Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV—XVI вв. Москва, 2002.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских, вып. 7, Москва, 1847.

Синицына Н. В. Русское монашество и монастыри. X—XVII вв.// Православная энциклопедия: Русская Православная церковь. Москва, 2000. С. 305—324.